

ДМИТРИЙ КОРОВНИКОВ

АДМИРАЛ
ИМПЕРИИ

6

1 2 3 4 5 6 7

Адмирал Империи

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи – 6

«Автор»

2022

Коровников Д. Н.

Адмирал Империи – 6 / Д. Н. Коровников — «Автор»,
2022 — (Адмирал Империи)

Пограничные звёздные системы Российской Империи атакованы ударными флотами Американской Сенатской Республики. Мы начинаем наши «Хроники» с описания одного из самых кровопролитных и беспощадных столкновений начала 23 века. В мировой историографии этот конфликт назван – «Второй Александрийской войной». В наши учебники истории его первый этап вошёл под названием: «Отечественная война 2215 года»...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи – 6

Глава 1

Звон нимидийской стали в тишине отсека бился о стены и возвращался обратно, превращаясь в объемное резонирующее эхо. Сабельные клинки, сверкая ультрамариновыми плазменными кромками, скрещивались друг с другом в яростном смертельном танце и издавали при соприкосновении характерный звук, будто от электрического напряжения.

Быстрота выпадов сражающихся поражала воображение – глаза не успевали отследить, куда будет направлен следующий удар, и как было возможно успеть отразить предыдущий. Все очень просто, поединщики были облачены в скафандры со встроенными внутрь эндоскелетами. Такая конструкция позволяла владельцу боевых лат быть намного быстрее, выносливей и сильнее, чем он был на самом деле.

В данных обстоятельствах такая особенность скафандров казалась более чем актуальна, потому как в поединке чести сошлись два уже немолодых, убеленных сединами адмирала: Кондратий Белов и Дамир Хиляев. Если бы эти двое сражались без боевого снаряжения, картина боя смотрелась куда менее яркой и завораживающей. Но сейчас на танец стали можно было смотреть часами, наслаждаясь скоростью и гибкостью бойцов.

Адмиралы решили не откладывать дуэль в долгий ящик, слетевшись на офицерских шаттлах на один из кораблей флота, сразу после рокового совещания у командующего Самсонова. Местом «встречи» Белов и Хиляев выбрали флагман 3-ей «линейной» дивизии – тяжелый крейсер «Аврора», так сказать абсолютно нейтральную территорию. Вице-адмирал Козицын был одновременно хозяином и секундантом одного из поединщиков. Василию Ивановичу пришлось им стать не по своему желанию, а вследствие безвыходной ситуации.

Не был он другом, ни одному, ни второму, просто кроме Козицына и еще одного дивизионного адмирала – Вячеслава Козлова секундантов у Белова и Хиляева не оказалось. Командующий Самсонов под страхом смерти запретил кому-либо содействовать проведению дуэли, да и сами комдивы не желали подставлять своих подчиненных под трибунал. Ладно, старички, с иконостасами боевых орденов в полную грудь и регалиями за бесконечные военные кампании, другое дело офицер среднего или младшего состава, который не сможет и не захочет отказать своему командиру, а после поединка лишится звания, карьеры, а может и свободы...

Нет уж, адмиралы сами разберутся между собой, благо кроме двух свидетелей поединка и укромного уголка для встречи, ничего не было нужно. Местом выбрали флагман Василия Ивановича, он же стал секундантом Белова, а приглашенный четвертым вице-адмирал Козлов – секундантом Хиляева.

На тяжелом крейсере, в отличие от того же авианосца или линкора, из отсеков где можно было так сказать развернуться оказались лишь: командный, столовая да тренажерный зал. Именно в последний прошли четверо адмиралов, удивляя своим появлением и хмурыми лицами редких моряков из экипажа, встречающихся им по пути.

Никто не понимал, почему сразу четыре дивизионных адмирала собрались на «Авроре», а если и собрались, то почему идут в спортмодуль, а не в аудиенц-зал, либо в рубку. Фитнес-тренировка отпадала сама собой – по крайней мере трое из четырех последний раз на занимались на тренажерах еще в курсантские годы. Единственный из них – Кондратий Белов имел дан по кэндо – искусству владения холодным оружием, но это тоже было давно, считай в прошлой жизни, если учесть, что самому младшему из собравшихся стукнул полтинник.

Тем более было странно видеть взрослых, суровых, прошедших не один десяток сражений воинов, двое из которых готовы были сейчас растерзать друг друга, а двое других ничуть не препятствовали этому, а наоборот принимали в дуэли непосредственное участие. Все очень просто, все четверо являлись военными со своими понятиями о чести, культивировавшимися в офицерской среде космического флота Империи больше, чем где бы то ни было.

Именно среди косморяков по данным статистики, а она и здесь присутствовала, за последнее столетие было зафиксировано подавляющее большинство поединков чести. Такого, например, наблюдалось в тех же войсках планетарной обороны, хотя назвать несущими службу на планетах солдат и офицеров менее храбрыми язык не повернется. Тем не менее, именно на боевых кораблях служило больше всего бретеров и забияк. Видимо изначально в космический флот шли самые отчаянные и безбашенные...

Надо пояснить, что в среде флотских офицеров, начиная с двадцать второго века, дуэль считалась нормой, а не чем-то исключительным. Косморяки бились на саблях, штурмовых палахах, реже стрелялись, но делали это с завидной регулярностью. Единственно, в большинстве случаев до убийства в поединке доходило редко, как правило, при ранении одного из поединщиков, дуэль сразу прекращалась, а индивидуальные медали моментально принимались «латать» несчастного... Так происходило если дуэль была так называемая «до первой крови», если же заранее оговаривался поединок чести – вот здесь уже было над чем задуматься.

Поединком чести называлась схватка, где один из участников должен был умереть. Как правило, такой вызов поступал за кровные, смертельные обиды, что и произошло при последнем военном совещании у командующего Самсонова. Почему и всполошились все присутствующие на селекторе адмиралы? Именно из-за того, что Дамир Хияев вызвал Белова на тот самый «поединок чести».

Пес бы с ними, с этими старыми дураками, – так думал Иван Федорович, – если бы просто подрались или сделали вид, что сражаются, нанеся друг другу пару-тройку незначительных порезов. Но поединок чести такого исхода не предполагал. Поэтому главнокомандующий запретил дуэль, прежде всего не желая лишаться одного из своих командиров, тем более в такое непростое для флота время...

Однако как мы видим, Самсонов оказался бессилем, когда речь шла о таком принципиальном вызове. Никто не ожидал от Хияева ничего подобного. У Дамира Ринатовича никогда до этого не было даже намека на конфликт с Беловым, перепалки на военных советах не в счет, этим делом грешили все. Тем не менее, командующий 15-ой «линейной» дивизии, потерявший существенное количество кораблей в последнем сражении, в том числе как он считал по вине Белова, вызвал последнего, посчитав предательством тот факт что 2-ая «ударная» не пришла на подмогу. Хотя Кондратий Витальевич видел на сканерах, как погибают вымпелы Хияева, и слышал его призывы о помощи в эфире...

У каждого здесь была своя правда, Хияев открыто высказался о своих претензиях, Белов попытался парировать их разумными доводами. Возможно, если бы Дамир Ринатович не потерял в том бою огромное число своих моряков, а наблюдал за ситуацией со стороны, он вполне мог бы принять доводы командира 2-ой «ударной» и даже поддержать их. Но эмоции взяли верх, а слова, единожды вылетевшие из уст, если они касались вышеупомянутого поединка чести, уже нельзя было забрать обратно...

Да и никто и не собирался отказываться, и один, и второй были настолько категоричны, что всякие надежды помирить адмиралов оказались делом напрасным. Думаю, не нужно говорить о том, что плевали Хияев и Белов и на последствия, которыми пугал их командующий Черноморским флотом и которые непременно негативным образом скажутся на всех участниках схватки. Последнюю попытку сделал вице-адмирал Козицын уже на борту «Авроры», заходя в пустой зал и вставая между соперниками.

– Мы все четверо прошли огонь и воду, были верными товарищами друг другу в бесчисленных сражениях, неужели у вас поднимется рука убить того, с кем проливал кровь?! – воскликнул Василий Иванович, поднимая глаза в потолок и, казалось, призывая Господа Бога в свидетели, намечающейся в скором времени трагедии. – Друзья, прошу вас, одумайтесь! Пожмите друг другу руки и обнимитесь как в старые времена... Ни одна обида не стоит жизни никого из вас! Все можно простить и забыть...

– Все что угодно можно забыть, – кивнул Дамир Хиляев, – только вот имена и лица своих моряков, погибших в сражении, не забываются! Даже не спорь, Василий Иванович, я пробовал – стоят перед глазами, как живые...

– Все было на нашем боевом пути, Дамир, – поддержал Козицына, Вячеслав Васильевич Козлов – командующий 9-ой «линейной», – сколько еще будет смертей в этой войне – боюсь представить. Нет причины увеличивать это число на одного адмирала... Разве не терял ты своих ребят в прошлых кампаниях? Что же изменилось сейчас, если ты готов на братоубийство?!

– В прошлых битвах мои моряки погибали, прикрываемые кораблями товарищей из других дивизий, – холодно ответил Хиляев, испепеляя взглядом своего противника, стоявшего молча напротив и отрешенно о чем-то размышляющего, будто его происходившее абсолютно не касалось. – Сейчас же они погибли именно потому, что один из нас, либо струсил, либо...

Дамир Ринатович не успел договорить, как Белов схватился за эфес и активировал его, нажав на кнопку. «Жидкая» сталь моментально образовала лезвие сабли, по самой кромке которого засветилась полоска плазмы.

– Можете не продолжать обвинения, господин вице-адмирал, – резко ответил Кондратий Витальевич, вставая в позицию и тем самым приглашая соперника к началу поединка. – Обвинения в трусости для меня уже достаточный повод убить вас... Если не желаете прислушаться к доводам разума и понять мои действия в той битве, что ж, это ваши проблемы. Возможно, вы просто глупец. Но после слов о моей трусости простить вас и отменить поединок я не намерен принципиально...

– Еще бы ты его отменил, – невесело усмехнулся Хиляев в свою очередь, активируя оружие, – не ты бросал вызов, не тебе отменять...

– Господа, прошу вас! – Козицын чуть ли не плакал, так жаль ему было терять одного из них, а вполне возможно, что и обоих, – как пройдет поединок не было известно никому.

– Оставь причитания, Василий Иванович, – отмахнулся Хиляев, – пустое... Лучше делай, что должен...

Козицын вздохнул и опустил голову, продолжая стоять между двумя соперниками посреди отсека.

– Намерены ли вы отказаться от дуэли и пожать друг другу руки? – задал вопрос Василий Иванович монотонным голосом, произнося фразу как того требовал кодекс дуэли.

– Нет...

– Нет...

– Хотите ли сказать что-либо друг другу перед поединком?

– Нет...

– Нет... Все сказано...

– Тогда, по праву секунданта я объявляю поединок чести, – произнес адмирал Козицын. – Согласно правилам в живых остаться должен только один из вас. Если соперник ранен и не может продолжать сражаться, вы обязаны нанести смертельный удар, иначе покроете себя позором, и сатисфакции не будет... Правила понятны? Что ж, тогда сходитесь, господа...

Козицын дал отмашку рукой и тут же сделал два шага назад. И вовремя, потому как Хиляев и Белов просто как дикие звери бросились друг на друга, готовые растерзать против-

ника, будто перед тобой был сейчас не твой боевой товарищ, а кровный враг. Прямо перед носом пораженного Козицына два клинка скрестились с глухим звоном...

Боевые «ратники 400» – бронескафандры последней модификации всеми силами способствовали такой живости поединщиков, системой пневмо-приводов эндоскелетакратно увеличивая скорость реакции и силу их владельцев. Жалкое и недолгое бы зрелище нас ожидало, не будь на Белове и Хиляеве подобных доспехов. А сейчас будто два эпических фэнтезийных воина-героя сражались между собой...

Броня и сталь скрежетали, касаясь друг друга, клинки синим холодным светом чертили узоры и летали в воздухе быстрее молнии. Наблюдая такой напор и энергию навряд ли кто-либо мог поверить, что в рукопашной сошлись два уже далеко не молодых человека. Адмиралы делали выпады, контрвыпады, рубили и кололи без усталости. Зал наполнился звоном стали и тяжелым дыханием поединщиков. Если бы Василий Иванович Козицын заранее не отключил камеры наблюдения, в отсек уже через минуту вломилось бы контрабордажное подразделение «Авроры», решив что здесь идет настоящий бой.

Бой действительно шел, только не с «янки» а между собой. Дамиру Хиляеву в какой-то момент улыбнулась удача, Белов делая очередной выпад, запнулся об один из обычных легкоатлетических матов, лежащих на полу тренажерного зала – помещение изначально не было предназначено для проведения поединков, а времени и желания подготовить его у собравшихся не оказалось. Кондратий Витальевич оступился и на секунду потерял равновесие.

Эндоскелет в итоге не дал адмиралу упасть, практически моментально выровняв положение корпуса. Но этой самой секундной паузы оказалось достаточно для Хиляева, чтобы тот нанес страшный по силе и практически не отбиваемый удар. Белову каким-то чудом удалось его парировать, но сделал он это крайне неудачно, выставив вперед руку держащую саблю.

Клинок Хиляева прошел плазменным краем лезвия по бронированной перчатке Белова, разрезая пластины той пополам. Кондратий Витальевич успел в последний момент одернуть руку, что не остаться без кисти, но при этом вынужден был разжать ладонь и выпустить оружие.

Сабля адмирала с грохотом упала на пол, а сам Белов еле успел совершить кувырок назад, потому как Дамир Ринатович тут же попытался вторым ударом завершить поединок. Белов откатился к стенке, клинок Хиляева рассек воздух и ушел в пустоту. Добить врага не получилось, но у Кондратия Витальевича теперь не было при себе сабли.

По правилам поединка чести противник мог довершить дело, свободно продолжая атаковать потерявшего оружие. Однако неожиданно Хиляев остановился. Несмотря на всю ненависть к своему сопернику у адмирала хватило достоинства не убивать беззащитного. Крайний нанесенный им удар был сделан скорее по инерции в порыве боя. Теперь же Дамир Ринатович посмотрев на присевшего на одно колено Белова, готового к очередному прыжку, сделал несколько шагов назад, позволяя тому подойти и поднять с пола свою саблю...

У Козицына и Козлова в глазах забрезжила надежда, что такой благородный поступок может стать переломным моментом. Но мечты их тут же развеялись, когда вскочивший на ноги Кондратий Витальевич взяв саблю, с еще большим ожесточением ринулся в рукопашную.

Фехтование у Белова было на порядок выше, чем у его соперника и эта оплошность с падением и потерей оружия больно резануло, прежде всего, по самолюбию адмирала. Перчатка правой руки не была окончательно разрезана и не потеряла своих функций.

Очень хорошо, – подумал Кондратий Витальевич, – значит, через минуту Дамир умрет.

Белов усилил напор и шел теперь на Хиляева, не давая тому ни секунды на передышку, нанося безостановочные удары с разных углов, такие молниеносные, что Дамир Ринатович не мог за ними уследить и начал все больше и больше пятиться назад, пока, наконец, не был окончательно прижат к стенке. Ни о какой контратаке не могло быть и речи, Хиляев только и мог, что отражать все новые и новые выпады. Пот проступил на лбах у одного и другого, силы

несмотря на то, что основную работу делали за них «ратники», все-таки покидали адмиралов, но ни один не желал отступать. Дуэль должна быть завершена здесь и сейчас.

Вот Хиляев не успел среагировать на очередной выпад и уже теперь в свою очередь потерял саблю, выбитую ударом по руке эфесом. Белов выдохнул и холодно усмехнувшись, отошел в сторону. Наконец и его душа была спокойна, адмирал ответил взаимным жестом, позволяя сопернику поднять оружие. Хиляев схватил саблю, но от стены не отошел, опасаясь очередной атаки Белова.

И Кондратий Витальевич уверенно ее начал, зная, что второго шанса оскорбившему его адмиралу он не даст. Теперь уже все понимали, чем закончится дуэль, и кто в ней окажется победителем. Однако Дамир Ринатович не собирался просто так сдаваться, он видел, что проигрывает в фехтовании на клинках, а это значит, что действовать надо было по-другому...

Хиляев уловил момент, когда противник на полшага оказался ближе чем обычно, и резко сократив дистанцию, перехватил своей рукой правую руку Белова. Оба адмирала начали бороться меж собой, пытаясь силой собственных скафандров повалить другого на пол. Однако поединщикам не повезло, «ратники» то были одной модели, поэтому характеристики имели одинаковые. Это люди могли отличаться по уровню физической подготовки, а эндоскелетам и их приводам этого не докажешь...

Грудные пластины скафандров скрежетали друг о дружку, заглушая скрежет зубов...

– Остановитесь, господа, немедленно! – неожиданно со стороны дверей прозвучал тонкий женский голосок. – Я приказываю... Я умоляю!

Глава 2

– Если мой голос для вас что-то значит, тогда деактивируете свое оружие! – воскликнула Таисия Константиновна, врываясь в отсек и обращаясь к сражающимся. Более того княжна не стала дожидаться ответа, а смело бросилась к адмиралам, пытаясь своими слабыми ручками расцепить двоих закованных в броню бойцов, с учетом надетых бронескафандров возвышающихся над ней, как великаны над гномом. – Прошу вас... Как вам не стыдно?!

Княжна полностью забыв субординацию и то, что она к слову сказать имеет чин капитана-командора, начала разными способами пытаться разнять дерущихся. В ход шли уговоры, требования, слезы, в общем, весь женский арсенал, против которого ни один мужчина, будь он самым бесчувственным, не устоит, это доказано фактами.

Вот и сейчас адмиралы машинально прекратили поединок, видимо каждый по разным для себя причинам. В любом случае, после появления этой дамочки дуэль приобретала мелодраматический характер и теряла всякую сакральность. Таисия каким-то чудом растолкала тяжело-бронированных: Белова и Хиляева по разным углам и смело встала между ними.

– Можете поубивать друг друга, но я с этого места не уйду! – заявила она, пытаясь поправить непослушные локоны, сбившиеся ей на лоб. – Для того чтобы сойтись в рукопашной вам потребуется раздавить меня доспехами... Прошу господ, начинайте, не обращайтесь на какую-то особу внимания. Вот император удивится, когда узнает, при каких обстоятельствах погибла его единственная дочь! «Ваше величество, нам очень жаль, но мы должны уведомить вас, что великая княжна Таисия Романова бесславно погибла, зажатая между «ратников» ваших достойных дивизионных адмиралов, как клоп под тапком»...

– Не очень достойная смерть, – хихикнул вице-адмирал Козицын, поддержав Таисию и пытаясь разрядить напряженную обстановку.

– Вот-вот, – кивнула ему на это, капитан-командор.

– Только резануло слух слово «удивится», – продолжал Василий Иванович, обращаясь к княжне. – Слишком от него веет холодом. Неужели их императорское величество так безэмоциональноотреагирует на вашу гибель?!

– Ну, не знаю, может всплкнет на панихиде, – просто пожала плечами княжна, – вы же знаете, Василий Иванович, моего отца, от него нежного слова не добьешься...

– В том-то и дело, что я знаю вашего батюшку очень давно и не побоюсь этого слова – близко, – отвечал адмирал Козицын, – и неоднократно был свидетелем, как он вас любил, обожал и всячески баловал...

– Когда это было-то?! – отмахнулась Таисия. – В прошлой жизни. О каком периоде вы говорите? И сколько лет вы лично уже не видели Константина Александровича?

– Если честно, то давненько, – с сожалением в голосе признался Козицын, – крайний раз я оказался на «Новой Москве» четыре года тому назад. Как раз после событий с похищением и благополучным возвращением нашего государя... Ну, вы помните...

– Как не помнить, – хмыкнула девушка, – вот именно после тех злоключений наши с отцом отношения так сказать резко изменились. И не только в отношении меня император стал более отрешенным, остальных родственников и близких друзей это тоже коснулось... Что-то необъяснимое и как мне кажется, страшное случилось тогда с отцом, но он об этом до сих пор не говорит...

– Мы вам не мешаем? – адмирал Белов резко прервал милую беседу двух старых знакомцев, возвратив их к действительности. – Я прошу прощения, но мы здесь немного заняты, и если вы окажете услугу, ваше высочество, – Кондратий Витальевич слегка поклонился, – и покинете помещение, мы закончим начатое. Обещаю, долго это не продлится...

– Нет, такой услуги я вам не окажу, не рассчитывайте! – резко заявила Таисия Константиновна. – Повторяю, для того, чтобы зарубить или заколоть адмирала Хиляева, вам потребуется пройти через меня. Попробуете? Вам, Дамир Ринатович я говорю то же самое, – княжна обернулась ко второму поединщику.

– При всем уважении, ваше императорское высочество, – медленно ответил тот, – являясь офицером Империи, не можете не понимать, что мешая нам, вы нарушаете негласные правила поединка. Никто, конечно же, не посмеет причинить вам вреда, но взять за шиворот, простите за вольность, и выставить за дверь мы можем совершенно легко, ведь на нас с адмиралом Беловым надеты скафандры, а на вас его нет...

– Об этом я побеспокоилась заранее, – подмигнула Хиляеву, княжна, нажимая на кнопку своего идентификационного браслета.

Тут же в распахнутые двери зала вбежало целое отделение морских пехотинцев. Ребята все были как на подбор – богатыри роста Дорохова, большинство выходцев с «Новгорода», а это значит, что теперь адмиралы в свою очередь смотрели на вошедших снизу вверх. Сопrotивляться морпехам-великанам точно не было смысла, только репутация и возможно физиономия пострадает, а больше ничего не добьешься...

Если бы еще данное подразделение состояло из солдат какой-либо из дивизии присутствующих на поединке адмиралов, можно было приказать солдатам не выполнять распоряжения девчонки, несмотря на то, что та императорских кровей. Но, нет, и здесь капитан-командор Романова подготовилась, прихватив с собой на «Аврору» бойцов из личной охраны командующего Самсонова. Эти парни не подчинялись никому кроме Ивана Федоровича и сейчас – княжны...

...Таисия некоторое время приходила в себя, после того, как вместе с командующим узнала о прыжке «Афины» из «Тавриды» в соседнюю «Бессарабию». Это было настоящим шоком для капитана-командора, от стыда перед Иваном Федоровичем княжна готова была провалиться сквозь палубу. Ничего себе, в ее отсутствие подчиненный в лице контр-адмирала Василькова, будь он неладен, практически похищает флагман Таисии Константиновны и благополучно улетает на нем непонятно куда и зачем. Помимо того, что это грубое нарушение за которое капитан-командор безусловно получит нагоняй от начальства, потому как не контролирует своих офицеров. Хотя в защиту можно сказать, что Василькова никто не может контролировать...

Но главное сейчас то, что «Афина» прыгнула прямо в пасть врага, в систему, где яблоку негде было упасть от количества кораблей «янки». Вероятность того, что любимый линкор может не вернуться обратно и все на находящиеся на его борту – погибнут, страшила княжну куда сильнее, чем все наказания мира от Самсонова, императора и остальных...

Как только Таисия осознала что может уже никогда не увидеть Василькова! Да, тьфу на этого сумасброда, никогда не увидеть Аристарха Петровича, всех своих офицеров и моряков с «Афины»? Нет, Васильков снова и снова возникал у нее в голове...

Нужно что-то немедленно предпринять, – решила капитан-командор, – и вытащить линкор из «Бессарабии»...

Самсонов был все еще занят просматриванием записи с разведывательных зондов, пришедших из соседней звездной системы очень интересное видео, на котором американские дивизии двух флотов с азартом достойным иного применения уничтожали друг друга. Иван Федорович по мере просмотра соображал, как можно это неожиданно возникшее обстоятельство обратить себе на пользу и был погружен в собственные прожекты.

Таисии Константиновне же было не до ожиданий, пока командующий разродится гениальной идеей. Надо было срочно спасать «Афину». Девушка начала думать, каким способом это сделать. То, что необходимо прыгать вслед за Васильковым в «Бессарабию» не было сомнений. Но на чем прыгать?!

Таисия пробежала глазами по списку кораблей вверенной ей 27-ой «линейной», пытаясь найти в ее составе боеспособные вымпелы, готовые вступить в бой. От некогда полноценной дивизии сейчас остались рожки да ножки. Прежний флагман «Меркурий» давно покинул строй, встав на капремонт на верфях одной из внутренних систем Империи, «Одинокий» весь простреленный и еле ползущий по космосу не подходил для срочной операции по спасению, «Афину» Васильков благополучно спер...

Из мощных дредноутов первого класса в 27-ой оставались лишь линкоры: «Кагул» и «Императрица Мария». Это были очень хорошие, хотя уже немного устаревшие корабли, но все еще способные навести серьезного шороха в стане врага. Вот только «Императрица Мария» тоже оказалась не в лучшем виде, с двумя неработающими силовыми установками и полностью лишенная защитных полей с левого борта. Оставался «Кагул», но одного корабля для миссии по спасению «Афины» было недостаточно. Если прыгнуть на нем в «Бессарабию» это точно еще минус один линкор...

Где же взять еще? – Таисия теперь уже смотрела на расширенный список всех кораблей и соединений Черноморского флота, сгрудившихся у перехода со стороны «Тавриды». Но для того, чтобы достать корабли нужно было как минимум договориться с каким-либо из дивизионных адмиралов. Просить помощи лично у командующего не было никакого смысла – Иван Федорович не пойдет на подобную авантюру, даже если ему приставить пистолет ко лбу. Командующий решит, что, во-первых, данная операция смертельно опасна и можно потерять гораздо больше, чем приобретешь, а во-вторых, рисковать жизнями моряков и своими кораблями из-за Василькова, это для Самсонова с некоторых пор было неприемлемо...

Таисия Константиновна пробежалась глазами по списку командиров дивизий. Кто из них может помочь? У Козлова и Хиляева хоть и не было особых претензий к Александру Ивановичу, они даже скорее были расположены к нему, помня, что Васильков несколько раз своими действиями спасал флот. Но пойти на самовольство и потом отвечать головой и погонами перед Самсоновым они точно не собирались. Поэтому эти двое отпадали сразу.

К Кондратию Белову вообще можно было с подобным вопросом не обращаться. Последняя их встреча с Васильковым чуть не обернулась поединком, командующий 2-ой «ударной» точно ничего не сделает для спасения Сашки. Оставался добродушный усач – вице-адмирал Козицын, – улыбнулась Таисия. – Вот он-то не сможет мне отказать. Только что Васильков вытащил из пекла Василия Ивановича, более того – его сына и еще многих моряков из 3-ей «линейной» дивизии.

Не отплатить добром за добро Козицын не мог, княжна знала этого флотоводца давно, еще когда была совсем маленькой и бегала босиком по саду Большого Императорского дворца. Козицын в то далекое время возглавлял одну из гвардейских дивизий и постоянно присутствовал на «Новой Москве», ибо основная база Гвардейской эскадры располагалась именно в столичной звездной системе.

После Василию Ивановичу дали под командование «линейную» дивизию и он надолго исчез из поля зрения княжны. Одни говорили, что Козицына задвинули подальше от глаз императора, потому как усач всегда говорил все что думает, а это многим в окружении Константина Александровича не нравилось. По другим сведениям Козицын сам попросился из Гвардии в действующий флот, устав сидеть на месте и чахнуть, участвуя лишь в парадах на орбите, церемониях и редких эскортах императорской яхты. Седовласый адмирал желал снова, как в прежние времена, окунуться в бурлящий омут сражений и битв.

Это кстати у него получилось, но сейчас не о судьбе Козицына...

Вот комдив, который мне не откажет, – решила Таисия Константиновна, вскакивая как ошпаренная с кресла в кабинете Самсонова.

– Что с вами? – командующий на секунду отвлекся от просмотра видео. – Опять что-то задумали?

– Нет, ничего такого, – Таисия сделала максимально простое лицо. – Разрешите идти...

– Разрешаю, – кивнул Иван Федорович, – следуйте в координаты пока еще своей дивизии...

– Что означает, «пока еще»?! – капитан-командор остановилась у двери и обернулась на Самсонова.

– С той скоростью, с которой вы умудряетесь терять корабли, не уверен что 27-ая останется дивизией, а не превратится, например, в бригаду, – зло ответил командующий, жестом руки выгоняя княжну из кабинета, вроде – не задерживайтесь, я же вас отпустил...

Таисия сжала кулачки, но сдержалась, чтобы не ответить на вызов. Однако сейчас ее голову занимали другие мысли, повоевать с Самсоновым можно было и в другой раз. Капитан-командор развернулась и молча вышла в приемную, а затем, в коридор верхней палубы «Громобоя», по которому понеслась в своем репертуаре – как угорелая. Нужно было торопиться и лично встретиться и переговорить с вице-адмиралом Козицыным, чтобы тот помог вытащить Василькова и остальных...

Командующий 3-ей дивизией в данный момент должен был находиться на своем флагмане, но мало ли, и Таисия связалась с рубкой тяжелого крейсера «Аврора», чтобы уточнить место положения Василия Ивановича – на борту ли он. Молодой лейтенант-оператор, узнав кто интересуется его командиром и увидев княжну в видеофоне, радостно сообщил дополнительную оказалось очень важную информацию. Что на «Авроре» находится в данный момент не только его начальник, на крейсере собрались все дивизионные адмиралы флота.

Странно, что они там забыли? – сразу не поняла капитан-командор, – Вроде не друзья-приятели, да и Василий Иванович еще от ранения не отошел для веселых посиделок.

А потом до Таисии дошло, по какой причине четверо высших офицеров решили вдруг что соскучились.

– Господин командующий, – княжна через электронного секретаря снова связалась с Самсоновым, – разрешите взять с «Громобоя» пару-тройку ваших «новгородцев» из штурмовой роты...

Таисия Константиновна как раз стояла на пирсе, а напротив нее маршировало отделение великанов-космопехотинцев, грузясь в ближайший десантный модуль.

– Это еще зачем? – не понял Иван Федорович, снова княжна что-то задумала и отвлекала его от по-настоящему важных вещей. – Ладно, не объясняйте, берите кого хотите... Не мешайте только... Все, конец связи...

– Спасибо, поняла – отключаюсь, – улыбнулась княжна и побежала догонять командира штурмовиков. – Подождите, не закрывайте люк! Я с вами...

Через пять минут модуль с дюжиной морпехов с «Громобоя» уже влетал на среднюю палубу «Авроры», а еще через минуту капитан-командор во главе своего карательного отряда мчалась по направлению к тренировочному залу корабля. Это делалось по наводке того же радостного лейтенанта-оператора из рубки флагмана, который сообщил, что четверо адмиралов заперлись в данном отсеке, предварительно отключив все каналы связи...

Остальное вы уже знаете, Таисия в последний момент появилась в зале и бросилась разнимать дерущихся. По-крайней мере на время ей это удалось...

... – Вы, конечно, можете попробовать взять меня за шкуру и вышвырнуть, как котенка, – победно улыбнулась капитан-командор, смотря на Хиляева и Белова и по привычке уткнув руки в бока. – Но тогда рассчитывайте и на то, что вас тоже вышвырнут подобным образом. Потеря лица для высшего командного состава перед своими подчиненными – дело серьезное, а вылетающие один за другим в коридор адмиралы – это зрелище привлечет внимание экипажа...

И я, не сомневайтесь, смогу дать приказ вот этим ребятам, чтобы вас всех четверых выкинули отсюда в электронных наручниках, затем, погрузили на шаттл и отвезли в карцер линкора «Громобой», где таких забияк уже ждут офицеры военной полиции флота...

Адмиралы недовольные присутствием целого отделения морпехов, причем которым никто из присутствующих не мог отдать приказа, обреченно переглянулись между собой.

– А меня-то с Козловым за что? – не понял Василий Иванович Козицын. – Мы не при делах...

– Да-да, рассказывайте, – пристыдила старика, Таисия. – Вы, как сводня, устроили этот жуткий поединок, нарушив приказ главнокомандующего! Думаете, я не понимаю, что вы и вице-адмирал Козлов являетесь секундантами этих двух бойцовых петухов...

– Таисия Константиновна, не забываетесь! – Белова задело сравнение.

– Опустите оружие, Кондратий Витальевич! – пригрозила тому, Таисия. – Иначе я исполню обещание, можете быть уверены... Это мое последнее предупреждение!

В одночасье все собравшиеся адмиралы увидели и осознали, что перед ними стоит не обычный капитан-командор флота, а великая княжна Империи, слову которой необходимо подчинится, подобно слову, произнесенному государем-императором...

Глава 3

– Что с ней?! – я подскочил к оплавленной спасательной капсуле, бывшей не так давно кабиной новенького истребителя, распихивая руками сгрудившихся вокруг медиков. – Слава тебе, Господи! Жива...

Хоть чуть-чуть от сердца отлегло. Наэма не только была жива, но еще и, несмотря на ранение, изо всех оставшихся сил сопротивлялась, пытающимся вынуть ее из капсулы людям и снова рвалась в битву...

– Шеф, узнайте, остались ли еще на борту целые истребители? – майор шальным взглядом выхватила меня из толпы. – А то мой немного пострадал...

Если считать пострадавшим истребитель, который изрешетили на мелкие кусочки, а затем, он и вовсе взорвался, то да «пострадал немного»...

Я не стал ничего доказывать Белло и тем более поддерживать девчонку в желании снова окунуться в сражение. Достаточно повоевала на сегодня – пять уничтоженных F-4 это при общем начальном соотношении 4 к 1 не в нашу пользу! Молодец Наэма уровень держит! А теперь из спасательной капсулы в медицинскую и быстро, а то вон, из руки кровь хлещет фонтаном!

Я кивнул медицинской команде, чтобы принимались за дело, а не сюсюкались с ней. Тут же один из бригады приложил личную аптечку к шее майора, тихо щелкнул шприц, и Наэма благополучно опустилась на подхватившие ее руки.

Оставшись один у развороченной кабины МиГа, я устало оперся на нее и погрузился в невеселые мысли...

Итак, Наэма спасена, ее капсулу после катапультирования каким-то чудесным образом вытащил один из пилотов эскадрильи с «Афины». Каким образом это ему удалось сделать, не понимаю, потому как все тридцать наших машин находились в плотной сфере окружения вражеских «фантомов» без какой-либо возможности выбраться.

Эскадрилья, которую я послал на смерть, должна была арьергардным боем задержать наступающий «Афину» «рой» из более чем сотни F-4, и она выполнила задание. Американцы, несмотря на численный перевес так до сих пор и не смогли атаковать наш линкор и уничтожить трансляторы защитных полей, а значит у «Афины» еще был шанс на спасение. Хотя, какой там шанс, о чем я вообще!

Я сам себе махнул рукой и невесело улыбнулся, понимая, что мои желания далеки от реалий.

Это же надо так страдать биполярным расстройством, – ругал я сам себя. – То делаешь все, чтобы оторваться от погони, посылаешь на верную гибель три десятка пилотов, чтобы те выиграли время. И вроде все идет по плану, ребята изо всех сил сражаются и держат два «роя» американских асов, не пропуская их дальше. Но неожиданно по твоему же приказу, контр-адмирал, «Афина» на полпути до спасительного перехода замедляет ход, разворачивается и идет назад, на помощь своей эскадрилье. Зачем это?!

Признаю, я дал слабинку и приказал кавторангу Жиле возвращаться. Ну не мог я, узнав, что майор Белло тайком пробралась в расположение истребителей, а затем, силой, наглостью и еще чем-то завладела одной из машин, а после в составе эскадрильи вышла на разборки с «янки», оставить ее там умирать. Не профессионально с моей стороны, абсолютно согласен, но ничего в тот момент не мог собой поделать, слишком дорога для меня была Наэма...

Ловя на себе осуждающий взгляд Аристарха Петровича, в котором тот спрашивал – «А зачем тогда мы выпускали всю эскадрилью в космос, если снова возвращаемся в лапы врага?!», я отдал приказ на разворот.

«Афина» быстро устремилась в прежние координаты, ту точку пространства, где остались и сражались наши МиГи. Вернулись мы вовремя, по крайней мере, не напрасно, ведь майора Белло удалось вытащить из огня. Но вот с остальными пилотами некогда отличной палубной эскадрильи линкора было не все так радужно. Подавляющее большинство из них уже, либо погибли в неравной схватке с «янки», либо летали в таких же вот спасательных капсулах, в окружении останков своих МиГов.

Никто не рассчитывал на то, что русские пилоты смогут удержать позицию и опрокинуть врага, слишком много кружилось вокруг «фантомов». Тем не менее, ребята и девчата выполнили главную задачу – не пропустили к «Афине» американцев.

Хотя, нет, нескольким десяткам машин противника все же удалось пробиться к линкору, но особого вреда они нам причинить уже не смогли. Во-первых, «янки» было мало для подавления зенитной артиллерии «Афины», а во-вторых, так как линкор развернулся и теперь встречал их лоб в лоб, налет «роя» оказался не таким опасным, как если бы американцы налетели на нас со стороны кормы.

Зенитные батареи «Афины» работали без передышки, не давая американским пилотам возможности прорваться к трансляторам силовых установок. F-4 гибли один за другим, маневрируя и пытаясь уйти от перекрестного огня наших скорострельных пушек, совершенно забыв о своей первоначальной задаче. Навал истребителей противника был благополучно отбит, но мы потеряли практически все свои МиГи и самое главное – время. Ведь теперь никаких шансов успеть к переходу «Бессарабия–Таврида» у «Афины» точно не было.

Линкор уже окружали со всех сторон, подоспевшие вымпелы 21-ой «линейной» дивизии вице-адмирала Джонса-старшего, который сильно желал поквитаться со мной за нанесенные оскорбления.

Вот так, Наэму спас – молодец, получи медаль, – покривился я. – Но спас ли? Ведь теперь не только майор Белло, все триста с лишним человек из команды «Афины» в смертельной опасности!

По корпусу линкора не проходили волны от попаданий плазмы, это означает, что пока его силовое поле держит удар, но то, что подобные тишина и покой продлятся ненадолго, можно было не сомневаться. Нет необходимости смотреть на показатели мониторов, чтобы понимать – защитные поля, какими бы они сильными не казались, не смогут противостоять артиллерийскому обстрелу полутора десятков кораблей противника ведущемуся одновременно... Сколько у нас минут жизни осталось, неизвестно, но точно не очень много...

А что дальше? Тут два варианта. Либо вице-адмирал Нейтен Джонс, разъяренный потерей огромного числа своих истребителей, отдаст приказ об уничтожении «Афины», либо он вспомнит о том, что на борту русского линкора находится его командующий... Тогда нужно ожидать общего штурма... В любом случае американцы не пойдут на abordаж, предварительно не уничтожив без остатка все артиллерийские батареи корабля, включая зенитные гнезда...

Хорошо, что Наэма находится без сознания, – подумал я, – хоть покинет этот свет в отличие от нас во сне и спокойствии...

Меня кто-то легонько тронул за плечо.

– Господин контр-адмирал, как она там? – передо мной стоял светловолосый молодой пилот в летном комбинезоне палубников «Афины».

– Кто, она? – не понял я.

– Госпожа майор, – парень кивнул на спасательную капсулу, на которую я присел.

– А, Наэма! – теперь понял. – В порядке, что с ней станет – она же ведьма...

– Не совсем вас понял, господин контр-адмирал, – смутился пилот.

– Заговоренная, – пояснил я, решив подшутить в такой невеселой обстановке над человеком, – не может умереть по определению...

– Как так, все же умирают...

– А она, нет... Вот твои все погибли, – я кивнул на истребитель парня, стоявший неподалеку от капсулы. – «Афина» скоро погибнет... Нас с тобой не будет... Только майор Белло останется живой и невредимой...

– Это хорошо, я рад, – весело улыбнулся пилот.

Я не понял, он всерьез или тоже в свою очередь издевается?

– Лейтенант, вы из эскадрильи линкора? – спросил я, снова оглядывая его одиноко-стоящий МиГ. – Вам удалось вырваться?

– Да, господин адмирал, – грустно кивнул тот. – Командир корабля не разрешил повторный вылет, чтобы я мог помочь ребятам...

– А почему вы здесь оказ... А! Все, понял, – до меня, наконец, дошло, что парнишка был тем самым пилотом, кто вытащил из битвы капсулу в которой находилась Наэма и отбуксировал ее на линкор.

– Я, похоже, один остался из всех палубников? – с надеждой в голосе спросил лейтенант. – Все мои погибли...

– Ну, точно не все, – попытался приободрить его, я. – Катапульты на Мигах работают отлично, так что многие спаслись... Не думаю, что «янки» будут расстреливать капсулы. Несмотря на всю жестокость войны, американцы не звери и не станут использовать такие изуверские методы...

– Даже Коннор Дэвис? – спросил лейтенант. – Я слышал что «Мясник» не оставляет живых в секторе боя...

– Пожалуй, Дэвис мог бы такое сотворить, – призадумался я, – но к счастью адмирала нет по близости, им занимается наш Карл Карлович Юзефович... Но не будем о войне... Спасибо тебе лейтенант, – я посмотрел на фамилию на нагрудном жетоне, – «Величко», за спасение моего товарища... Если бы не твоя реакция и удачливость! Как тебе вообще подфартило выбраться из этого ада?!

– Сам не понимаю, – пожал плечами парень. – Увидел краем глаза, как истребитель майора разваливается в космосе и отлетающую от него капсулу. Рванул к тому месту, с одного раза удалось подхватить ее магнитным манипулятором. Потом сделал запрос командиру – тот дал добро на выход из боя... Все это время меня прикрывали огнем ребята из каре...

– Молодец, – я пожал молодому человеку руку, – я твой должник...

– Теперь, когда вы сказали что госпожа майор – заговоренная, все становится на свои места, – продолжал лейтенант Величко, – именно защита высших сил помогла нам выбраться и прибыть на «Афину».

– Ты действительно поверил в то, что Наэму охраняют какие-то потусторонние силы?! – я не понял, разыгрывает меня лейтенант или на самом деле не далекого ума парень. – Это шутка была, никто ее оберегает кроме тебя, да меня... И кстати, не высшие силы, если уж на это пошло, а низшие нечистые...

– Вот здесь вы не правы, если ее и охраняют, то только ангелы, – покачал головой парень и вздохнул.

– А, понятно, – усмехнулся я, молодости. – Сколько лет то тебе, Величко?

– Девятнадцать...

– Можешь не продолжать про ангелов, – я поднялся с капсулы, решив, что пора возвращаться на мостик линкора, – в твои годы я тоже смотрел на девчонок и видел за их спинами крылья, а над головой нимб. Ничего, пройдет...

– Какие будут приказания, господин контр-адмирал? – пилот вытянулся по стойке «смирно», поняв, что дружеская беседа подошла к концу. – У меня по-прежнему запрет на вылет...

– Все правильно, – кивнул я, направляясь к выходу из ангара, – нечего тебе шататься в открытом космосе одному... Что делать? Да пока ничего. Отдохни, приди в себя, затем,

заменяю летный комбинезон на хороший пехотный бронескафандр. Надеюсь, на «Афине» такой сыщется, потому как через часок-другой начнется штурм линкора... Повторюсь, надеюсь... Если адмирал Джонс совсем не слетит с катушек и не решит расщепить нас на атомы главными калибрами своих дредноутов...

– Разрешите, просьбу? – лейтенант догнал меня уже входящим в лифт.

– Говори, только быстро...

– Если вам удастся увидеть майора, передайте ей вот это, – парень достал из внутреннего кармана цепочку с маленьким голубым кулоном и протянул ее мне. – Только не считите за труд, просто я с ней уже не увижусь, и...

– Конечно, сочту за труд, – недовольно нахмурился я, которому было сейчас совсем не до подобных глупостей. – Я что похож на сваху? Что вы здесь устраиваете?

– Не понимаю... Нет, господин адмирал! – Величко испуганно вытянулся в струну, осознав свою оплошность и проклиная себя за подобную вольность. – Прошу прощения!

На паренька было жалко смотреть, тот смутился страшно и покраснел. Мне его стало жаль.

– Не собираюсь ничего я передавать твоей майорше, – буркнул я уже более примирительным тоном, чтобы совсем не закошмарить пацана. – Но разрешаю вам лично прибыть в медблок линкора, и тогда дарите своей избраннице что хотите...

– Я... Я ничего такого не имел в виду, – еще более покраснел лейтенант.

– Да-да, видно, что не имел, – махнул я рукой. – Все давай, не отвлекай старших, им еще командовать всеми вами в предстоящем бою... Повторю, разрешаю посетить майора Белло в медблоке... Если не будут пускать, скажешь что от меня... Вот код от личного канала связи, – я приложил свой идентификационный браслет к такому же браслету на руке лейтенанта, – и вот еще что, будешь за одно моими глазами и ушами.

– Эээ...

– Приказ тебе, лейтенант, – я строго посмотрел на парня. – Если обожаемая тобой майор очнется и снова ринется в бой, не давай ей этого сделать.

– При всем уважении, я не хочу применять физическую силу в отношении майора Белло, – отрицательно замотал головой пилот.

– Да ты и не сможешь этого сделать, если даже и захочешь, – ответил на это я, усмехнувшись. – Нет, ничего не нужно применять, просто, если Наэма дернется куда-либо – сразу сообщай мне по локальной связи. Я найду управу на нее...

– А, теперь понятно, – облегченно вздохнул лейтенант Величко, – этот приказ я выполняю...

– Пусть будет «приказ», – согласился я.

– Спасибо вам большое, господин адмирал, – горячо поблагодарил меня парень, похоже, от переизбытка эмоций желая обнять старшего по званию, но не решаясь этого сделать.

– Да, ладно, это тебе спасибо за Наэму, – я улыбнулся и снова пожал крепкую руку пилота. – Задание понятно?!

– Да, господин контр-адмирал!

– Тогда, выполняйте лейтенант, – мне, наконец, удалось закрыть двери лифтовой капсулы, и та полетела на верхнюю палубу линкора...

Я еще раз улыбнулся, почему-то вспоминая себя в годы, когда был вот таким же юным, неопытным, мечтающим и верящим в добро... Да, хорошее было время, веселое и беззаботное. Перед моими глазами возник корпус Академии на «Новой Москве», висячие многоярусные сады столичного мегаполиса, вечно зеленого и цветущего города, первое свидание и первый поцелуй...

Так отставить влажные воспоминания! Война в самом разгаре, более того, в данный момент, если вы забыли, адмирал, ваш линейный корабль находится в окружении почти двух

десятков вымпелов противника. А вы здесь в прошлое улетаете в мыслях. Или может это происходит с сознанием заранее перед смертью? Как говорить – начала вся жизнь пролетать перед глазами... Нет уж, еще проживем и поборемся!

Лифт замер у командного модуля верхней палубы, я вышел и тут же окунулся в толпу моряков, собравшихся в коридоре напротив дверей, ведущих на капитанский мостик. Все они были вооружены, экипированы в бронескафандры и настроены крайне воинственно. По внешнему виду я определил, что это были члены команды линкора, некий сводный отряд, собранный из разных чинов – инженеры из технических служб, операторы, канониры и другие. Ни одного местного морпеха, либо пехотинца с моего «Одинокого»...

– Похоже, кавторанг Жила начал формировать «народное ополчение», – усмехнулся я, разглядывая эту пеструю толпу и пытаясь продрасть сквозь нее непосредственно в помещение командного отсека. – Что ж, навыки сражений на борту корабля Жила со времен, когда он еще был капитаном корсарского корабля, тот не растерял. Это на флоте в абордаже, как правило, принимают участие специально для этого подготовленные соединения штурмовиков, иногда случается, что сражается весь экипаж, но это редкость.

У пиратов, каперов и всех остальных по-другому. Все кто находятся на корабле, автоматически принимают участие в каждой абордажной атаке. Народа на таких кораблях всегда не хватает, слишком большая убыль, зато все отчаянные... Так что Жила похоже, вспомнил молодость... Правильно, сражение предстоит нешуточное, и каждый боец будет на счету...

Я вошел на мостик.

– Как у нас движется?

– Все нормально, господин адмирал, – Аристарх Петрович беззаботно повернулся ко мне, – защитные поля «Афины» прекратили свое существование... «Фронтальное» пока держится, но там единицы процентов остались, поэтому тоже ненадолго... «Бортовые» уже обнулены... Пошли первые попадания по внешней обшивке... Ведем ответный огонь... Все, как обычно...

Глава 4

– Твои, архаровцы в коридоре? – я улыбнулся Жиле, проходя на мостик и занимая командирское кресло. – Воинственные, это очень хорошо...

– Заранее начал собирать сводные группы из всех, кто пока не при деле, – кивнул в ответ кавторанг, понимая о ком я веду речь. – Почти полтораста человек так или иначе не задействованы в ведущейся на данный момент артиллерийской дуэли. Поэтому чтобы не сидеть без дела – пусть разбирают оружие и броню и занимают палубы со стороны возможного проникновения на корабль штурмовиков противника...

– Все верно, – похвалил я, Аристарха Петровича, – для защиты «Афины» нужно собрать как можно больше людей... Вот поэтому мой приказ будет следующим, только сразу не ругайся, а выслушай...

Жила, зная меня, напрягся и был весь внимания.

– Деактивируй все орудия, пусть андроиды выносят весь имеющийся боезапас с артиллерийских батарей, имеются в виду запасные «обоймы» к орудиям, – я пробежал глазами по схеме внутреннего устройства линкора. – Аккумуляторы лучше вообще не складировать, а сразу выбрасывать в космос. Так мы исключим возможность детонации погребов в случае прямого попадания. Плазменный заряд, угодивший хотя бы в один из складов, вызовет такие разрушения, что защищать оставшиеся отсеки будет нечем да и незачем...

– Постойте, господин адмирал, – опешил Аристарх Петрович, все больше хмурясь.

– Стою, вернее – сижу, – ответил я, по-прежнему в своем непревзойденном, многих раздражающем стиле улыбаясь, будто знаю об этом мире все, но скажу другим лишь малую часть...

– Деактивировать орудия?! – повторил Жила. – То есть как?! Все?! И смысл?! Может сразу «белый» код-сигнал выкинем, чтобы времени не терять?

– Я же предупреждал, не ругаться...

– Да, никто не ругается, – развел руками кавторанг, сдерживаясь, – я по уставу не имею на это право в отношении вышестоящего начальства. Просто не понимаю...

– Если не будешь перебивать, – ответил я, – постараюсь быстро объяснить...

– Понял, слушаю...

– Повторяю, деактивируй все орудийные платформы, – я говорил медленней и громче, чем обычно, чтобы не только Аристарх Петрович слышал, но и остальные офицеры в рубке понимали, чего от них хотят и зачем все это делается. – Нет, парочку средних калибров оставляй работающими по врагу, да и главный калибр оставляй – его все равно американцы уничтожат, несмотря на то, стреляют ли пушки основной батареи или молчат. Поэтому, пусть продолжают действовать – два средних орудия с обоих бортов и главное. Остальным башням – немедленно прекратить стрельбу, пусть оттуда эвакуируются расчеты, и как я уже ранее сказал, роботами выносятся весь имеющийся боекомплект из запасных аккумуляторных «обойм». Делать это нужно уже сейчас...

– Вы слышали?! – Аристарх Петрович повернулся к своим операторам. – Выполнять!

Те профессионально застучали по клавишам голографических планшетов, отдавая нужные приказы...

Я довольно кивнул, так мне понравилась быстрота действий и еще больше максимальное доверие со стороны кавторанга. Хотя с Жилой мы знакомы не один год и тот знал, что мне можно доверять, а с другой стороны – лучше не спорить, даже если не согласен в корне...

– Отлично, – продолжал я. – Предвосхищая твой основной вопрос «Нафига»? , отвечаю. Враг, пользуясь тотальным перевесом в артиллерии, в любом случае уничтожит все действующие батареи на «Афине», и сделает это невероятно быстро. Так быстро, что мы с тобой не

успеем закончить этот диалог... Более того, «Афина» не сможет достойно ответить в дуэли и подбить даже маленький эсминец, не говоря уже о более крупном корабле противника.

– Хотя бы попытаемся нанести максимально возможный урон, – пожал плечами Жила. – Иначе, вообще никакого смысла нет сражаться...

– Не нанесем, как бы нам этого не хотелось, – отрицательно покачал я головой под начинающуюся тряску корпуса от серии прямых попаданий вражеских орудий. – А вот шанс, что в итоге сохраним несколько орудий – есть. Пусть враг думает, что вывел все башни из строя, интенсивность огня по батареям в этом случае заметно снизится и парочка пушек вполне возможно уцелеет. Тут, либо все орудия будут разрушены, либо какому-то расчету повезет... Это, во-первых...

Во-вторых, уводя канониров с батарей, мы сохраняем десятки жизней, и тем самым увеличиваем численность противобордажных команд линкора...

– Резонно, – согласился кавторанг, почесав бороду. – Значит, вы все-таки рассчитываете, что «янки» пойдут на штурм?

– Надеюсь на это, – ответил я, – и надеюсь, что Нейтен Джонс постарается выполнить данное своему командующему обещание спасти того из наших цепких лап. Кроме как абордаж «Афины» ничего другого американцам не остается...

– Тогда, разрешите сделать поправку к первоначальному приказу?

– Говори...

– Может не сразу выводить из боя все орудия, кроме трех упомянутых, – подмигнул мне Аристарх Петрович, – а делать это постепенно, чтобы у противника появилось ощущение, что это его артиллеристы выбивают одну за другой наши башни?

– Отличная идея, – меня даже немного расстроило, что не я об этом первым догадался, – деактивирую орудия постепенно, и еще лучше сразу после очередного попадания в район батарейной башни – типа американские канониры вывели из строя очередную вражескую пушку...

– Лейтенант, услышал? – Жила снова повернулся к оператору за своей спиной. Как было понятно, кавторанг не любил дублировать приказы, отчего офицеры командного отсека все как один имели прекрасный слух и держали так сказать нос по ветру.

Я подумал, что это было максимально удобно, ценное время не терялось, лишних вопросов не задавалось, все на мостике действовали как единый механизм.

– Да, господин капитан, – ответил оператор, – уже начиная давать указания старшим офицерам на батареях. – Всем перечисленным ранее расчетам – прекращать огонь и деактивировать орудия только после очередного попадания противника по броне башни. Повторяю, самостоятельно из боя не выходить, ждать одного или нескольких попаданий в район батарейной башни...

Я знал что говорю, редко когда получалось вывести палубное орудие, защищенное минимум двумя слоями нимидийской брони, из строя, первым прямым попаданием или даже несколькими. Жизнестойкость отсеков артиллерийских батарей на корабле, тем более на линкоре, была одной из самых высоких, большая, только у командного модуля, поэтому один, два или три прилета ничего не значили. Лишь в редкие случаи, когда заряд плазмы из главного калибра вражеского корабля достигал цели, было такое, что орудийная башня разлеталась на ошметки. Как правило, это происходило после детонации боезапаса, в условиях реального сражения находящегося непосредственно внутри орудийной платформы. Но повторяюсь, такие «снайперские» выстрелы были редкостью. В основном, чтобы окончательно уничтожить одну батарею на таком защищенном корабле, коим считалась «Афина» требовалась дюжина прямых попаданий непосредственно по башне...

– Боекомплекта данная поправка не касается, – тут же уточнил Аристарх Петрович, подключаясь к локальному каналу связи со своими канонирами. – Аккумуляторные стержни выно-

сите уже сейчас. Не будем ждать, пока они начнут детонировать... – кавторанг снова обернулся ко мне:

– Господин контр-адмирал, вы уверены, что необходимо выкидывать «обоймы» в космос? Может, складуруем их на так сказать всякий пожарный?

– Ты имеешь в виду самоподрыв, если не удержим корабль в результате абордажа? – уточнил я.

– Точно так, – кивнул кавторанг. – Бахнем напоследок, чтобы «Афина» не досталась врагу...

В принципе такой вариант имеет смысл, если снести все стержни в кормовые отсеки поближе к силовым установкам и топливным бакам с интарием, – ответил я, размышляя сам с собой.

То, что мы не удержимся при общем штурме – это было понятно. Тогда Жила прав – оставлять врагу линкор, тем более такой как «Афина» было преступлением. Но... Но почему-то мне так стало жаль терять этот корабль с его непревзойденными боевыми и скоростными характеристиками, которых не имеется и в помине у современных дредноутов... Нет, пусть уж лучше достанется врагу, чем навсегда исчезнет... Вот такая крамольная мысль возникла у меня...

– Приказ остается прежним – выбрасывайте аккумуляторные стержни в пространство, как и планировалось, – ответил я Аристарху Петровичу, не став объяснять настоящей причины такого решения, чтобы кавторанг не взбрыкнул.

Жила молча принял информацию, потому как привык полностью мне доверять, мол, адмирал знает, что делает. Пусть продолжает так думать, это полезно, по крайней мере, для экономии времени.

– Далее, тоже самое делаем в отношении зенитных расчетов, – продолжал я сыпать указаниями. – Эти башенки нужно деактивировать уже сейчас, не дожидаясь попадания... Потому как в сравнении с обычной артиллерийской батареей, тяжелобронированной и защищенной, зенитные гнезда обладают куда меньшей живучестью и уничтожаются, либо выводятся из строя уже после первого попадания из среднего калибра. Так что пусть расчеты сразу покидают свои боевые посты... В отличие от основных палубных орудий, которых в результате нашей с тобой, Аристарх Петрович, хитрости может сохраниться пара штук, зенитных батарей при таком раскладе удастся уберечь гораздо большее количество.

Пусть американцы полностью будут уверены в своей безопасности и начнут абордаж. Тогда оставшиеся в строю зенитки нам сильно смогут помочь.

Плюс эвакуация операторов зенитных батарей – это опять же сохранение экипажа для отражения атаки штурмовиков «янки», в скором времени нам потребуется помощь каждого моряка на борту...

Кстати, как у тебя насчет стрелкового оружия и брони? На морпехах «Афины» я уже видел «ратники» последней модели – это очень хорошо. Но есть ли средства обороны для остальных членов команды?

– На счет этого не волнуйтесь, господин адмирал, – улыбнулся Жила. – Враг будет сильно удивлен, увидев, как вооружен и организован экипаж моего линкора... Брони, винтовок и гранат на «Афине» с запасом... Недаром Таисия Константиновна даже послала часть экипировки на ваш «Одинокий»...

– Да, я помню какие-то там шуры-муры княжны с моими старшими офицерами за спиной командира, – усмехнулся я. – И очень рад тому, что и мои штурмовики сейчас в более совершенной броне. А как обрадовался «обновке» Кузьма Кузьмич, я вообще молчу...

– Полковник может радоваться? – усомнился Жила. – Никогда не видел улыбки не его физиономии...

– Где-то глубоко внутри он пляшет от восторга...

– Понятно, – кивнул, поддерживая мое приподнятое настроение, кавторанг, – значит, я не увидел этот восторг, видимо за нимидийской маской в половину лица Дорохова. Что касемо слаженности, – Аристарх Петрович вернулся к насущным вопросам, – то и она на высоком уровне. Мои ребята из экипажа «Афины» – это конечно не ваши головорезы с «Одинокого», которых вы натаскивали на рукопашные с самого начала, но тоже могут за себя постоять.

– Понимаю, твоя прошлая жизнь корсара не отпускает, – засмеялся я. – Тренируешь как по старой памяти – все на корабле должны уметь сражаться...

– Это, да, – кивнул кавторанг, – только слаживание экипажа «Афины» все же не моя изначальная затея. Я что – человек подневольный, пешка в руках нашей великой княжны... Идея подготовки к отражению штурма или участия в абордаже целого экипажа принадлежит именно Таисии Константиновне. Это она, насмотревшись на опыт адмирала Василькова, не давала покоя своим офицерам и матросам, гоняя их в свободное время в тренировочном центре линкора и натаскивая в стрелковой подготовке и ближнем бою... Много было недовольных, но в итоге, как покажет сегодняшнее сражение, это имело смысл...

– Надеюсь, что ты прав, – кивнул я, довольный услышанным.

Теперь у нас с Жилой оказывается под рукой более трех сотен бойцов контрштурма, а это значит, что сюрпризов для американцев мы сможем подготовить немало.

– Поехали дальше, – продолжал я разговор с кавторангом, – уводи людей с внешних отсеков, глубже в центр... Пусть никого кроме андроидов в них не остается. Американцы будут утюжить линкор долго, чтобы нанести нам максимальный урон и обезопасить подход своих кораблей и десантных модулей. А почему нет, время на это у Джонса имеется, других русских вымпелов в системе не наблюдается, «Афина» в западне и ей уже никуда не деться. Поэтому стараясь снизить риски, «янки» хорошенько пройдутся и не один раз по всей обшивке линкора. Пробитий брони, разгерметизации и выжигания внешних отсеков тоже будет предостаточно, поэтому все моряки должны быть оттуда заранее эвакуированы в более безопасные места.

Конечно, при такой интенсивности огня никто не может гарантировать, что плазма не проникнет дальше к центральным модулям, но, по крайней мере, мы должны сделать все, чтобы обезопасить экипаж...

– Согласен, – кивнул Аристарх Петрович, – однако, если мои люди покинут данные отсеки, кто тогда остановит вторжение на борт штурмовых команд противника?

– Против нас сейчас стоит целая дивизия из более чем пятнадцати вымпелов, – ответил на это я. – У каждого дредноута 21-ой «линейной» на борту находится от одного до трех полных взводов космопехоты. Этого количества более чем достаточно, чтобы одним махом захватить любой корабль. Поэтому рассредоточиваться и разделять экипаж «Афины» на многочисленные малые отряды, чтобы те попытались сдержать абордажную атаку по всему внешнему контуру корабля, дело безнадежное. У нас, несмотря на три сотни бойцов не хватит сил, чтобы это осуществить.

Противник может проникнуть на линкор в любом месте, точнее, сразу в нескольких десятках мест. Мы в любом случае не в состоянии сдержать врага, поэтому основное кольцо обороны будет проходить в центральных модулях корабля, чтобы сузить периметр и более эффективно сдерживать атаки...

– Добро, – согласился Аристарх Петрович, – сейчас же распоряжусь, чтобы никто не прохладился в подсобках и коридорах внешних отсеков... А как тогда в таком случае зенитчики и канониры уцелевших батарей, если таковые после артподготовки американцев останутся, попадут обратно к своим орудиям, если отойдут к центру?

– Ты как маленький, Аристарх Петрович, – нахмурился я, – ну, пусть в центральных модулях, которые непосредственно соединяются с их батареями, отсидаются пока идет пальба, а после канонирам не составит большого времени вернуться на боевые посты и начать вести

ответный огонь. Отходить к центру – это же не означает, всем столпиться у дверей капитанского мостика и ждать развития событий!

– Понял-понял, – прервал меня Жила, чтобы я сильно не позорил его перед подчиненными. – Все ясно, уже над этим работаем...

Я, наконец, откинулся на спинку кресла, с непривычки устав так много говорить. У меня то в голове картинка уже давно сложилась, а оказывается, другим нужно разъяснять многие очевидные вещи...

Так, ладно, вроде бы нами с кавторангом сделан максимум от возможного. И теперь только остается ждать, что же предпримут американцы, а так же вовремя на это реагировать. Мне нравилось работать вторым номером, сидишь в обороне подготовленный к разным вариантам и ждешь ошибки, либо огромных потерь противника. Однако как не весело мне было сейчас на душе, все-таки не нужно забывать, что мы с ловушке, причем без какой-либо возможности выбраться из нее. «Афина» уже не сможет убежать и прыгнуть назад в «Тавриду». И тогда к чему была вся эта «секретная» операция?

Ну, спас Абадайю Смита от расправы над ним Хигса, это вообще не в счет. Ну, похитил командующего Дрейка, это уже куда не шло, можно приписать к победе. Однако плененный американский адмирал, даже такого масштаба, разве стоит жизни «Афины» и ее экипажа? А заплатить придется...

Глава 5

– Адмирал, сэр, артиллерийские системы противника подавлены, – оператор повернулся к задумчиво сидящему в командирском кресле Нейтену Джонсу. – Канониры запрашивают уточнение – что делать дальше?

– Что-то через чур быстро сдался этот линейный корабль, – с сомнением в голосе произнес вице-адмирал, внимательно наблюдая за тем, как оптические сканеры обнаружения шарят по малахитовой броне русского линкора.

Ни единого признака активности орудий на «Афине» не обнаруживалось вот уже несколько минут. Корпус был полностью изрешечен, а внешняя обшивка во многих местах разорвана и представляла собой лохмотья из листовой брони, вывернутые как лепестки цветов смерти. Палубные орудия сразу дюжины выпелов 21-ой «линейной» дивизии в течение получаса беспрерывно утюжили русский корабль, по несколько раз проходясь по всему корпусу плазменными зарядами огромной разрушительной мощности.

– Впрочем, чего я беспокоюсь, после такой артподготовки в принципе ничего не могло выжить по периметру внешнего контура, – утешил сам себя вице-адмирал и повернулся к своему помощнику. – Звено истребителей – на выход! Нет лучше два звена, – приказал Джонс, решив, что рановато пока начинать штурм без предварительной разведки местности.

Перед тем, как десантные модули подойдут к «Афине» нужно все еще раз хорошенько прочесать, вдруг пара его зенитных турелей уцелела.

Хотя, линейный корабль так разбит, что если даже закованные в нимидийскую броню артиллерийские башни не смогли пережить обстрел, то, что говорить о слабозащищенных скорострельных пушченках – они без сомнения тоже все разрушены, – махнул рукой Джонс, но приказа отменять не стал, продолжив выполнять инструкцию по захвату вражеского корабля. Нужна предварительная разведка истребителями – значит, будет, времени на это предостаточно...

Нейтен Джонс посмотрел на общую карту сектора. Сражение между двумя американцами флотам благодаря неожиданному появлению адмирала Итана Дрейка в эфире, буквально за несколько минут затихло само собой. Авторитет «Короткой ноги» был абсолютным причем не только у командеров и адмиралов его родного 6-го флота, но и у 4-го «вспомогательного». Даже «Шваброидный» Грег Парсон не решился перечить командующему Дрейку и подчинился его требованию ко всем – прекратить огонь.

Дивизии флотов расходились в противоположные друг другу стороны, «зализывая раны», приводя энергощиты и батареи в порядок и держась от недавнего противника на приличном расстоянии, для большей уверенности, что тот неожиданно снова не нападет. Хотя после слов командующего ни одного нового выстрела по своим не произошло, хотя напряжение в космосе по-прежнему витало. Тем более оно усилилось, когда дивизионные адмиралы 6-го и 4-го флотов узнали подробности инцидента, произошедшего на «Тикондероге»...

К великому неудовольствию Нейтена Джонса комдивы пропустили мимо ушей красочный рассказ вице-адмирала о вероломном нападении на авианосец его братца Илайи. Вроде как обычный эпизод, ничего криминального. Нейтен чуть не сорвался и не обложил своих товарищей последними словами за подобную холодную реакцию.

– Эй, вы слышали?! Меня подстрелили, вообще-то?! – возмутился он, чуть ли не с ненавистью смотря с экрана на коллег по ремеслу и указывая на свою рану на плече. – Это нормально по-вашему?!

– Ладно тебе, вон Рональд Мур вообще отправился к праотцам, и нечего – не жалуется, – своеобразно отреагировала на это Лиза Уоррен – командующая 25-ой «легкой» дивизии флота Парсона. – Хватит ныть, скажи лучше, что там со стариком Дрейком случилось...

– Ну, ты и наглая сука! – выругалась Пайпер Райт, так и не успевшая разобраться с Лизой в секторе боя, и до сих пор переполненная злобой и ненавистью к своей сопернице.

– Кстати, адмирал Уоррен, не напомните, кто именно оправил на тот свет беднягу Рона Мура?! – возмутился Нейтен, поморщившись – действие обезболивающих заканчивалось, рука снова начинала ныть.

– Оставим разборки для спецкомиссии Сената, – примирительным тоном попытался успокоить адмиралов, Мелвин Дорси. – Давайте забудем случившееся как страшный сон и снова попытаемся наладить контакт между собой. Если кто-то витает в облаках, я напоминаю – мы находимся в десятках звездных систем от дома на чужой, враждебной нам территории. Напротив нас, а вернее, по ту сторону портала стоит один из лучших флотов Российской Империи, готовый контратаковать в любой момент. Поэтому, ради всего святого, не начинайте снова эту чертову перепалку, которая снова может вылиться в кровавое месиво!

– Командующий Дрейк, к сожалению, находится в заложниках на борту русского линкора, – более спокойным тоном ответил Джонс-старший, стараясь не смотреть на лицо Элизабет Уоррен, чтобы снова не сорваться на крик. – В данный момент я занимаюсь операцией по вызволению адмирала...

...У Нейтена остался неприятный осадок после этого импровизированного совещания, но он постарался побыстрее забыть о нем, сосредоточившись на выполнении своего обещания.

– Доклад разведчиков, сэр, – вывел из забытья адмирала, дежурный лейтенант.

– Что говорят?

– Докладывают, все чисто, – был ответ оператора. – При патрулировании периметра русского линкора одна из зенитных батарей ожила и открыла по нашим истребителям огонь, но была быстро подавлена... Разведка продолжается, однако больше ничего опасного и странного пилотами замечено не было. Парни подтверждают неактивность всех без исключения артиллерийских батарей на «Афине»...

– Пусть еще раз пройдут вдоль всей обшивки, – отдал распоряжение вице-адмирал, переключившись на другую частоту.

– Какой смысл, сэр? – не понял дежурный.

– Тот «раски» который высадился на «Тикондерогу» и захватил меня и Дрейка в заложники, – Нейтен поморщился, ему неприятно было вспоминать момент, когда Наэма держала одной рукой адмирала за шиворот, а в другой у этой бестии была зажата импульсная граната, – очень хитер, это было видно сразу. Поэтому ожидать от него можно всякого. Линейный корабль, по которому мы палили, невероятных размеров и характеристик... Он чем-то похож на «Гекату» – флагман Коннора Дэвиса, оттого я все еще не могу поверить, что у русских не осталось целым ни одного орудия...

– Понятно, сэр, передаю пилотам, чтобы еще раз все хорошенько проверили, – кивнул оператор, связываясь с командирами двух звеньев F-4, которые как резвые собаки-ищейки заныривали на своих машинах чуть ли не вовнутрь разбитых и развороченных внешних отсеков русского линкора в попытке найти хоть какую-то активность.

– Ничего, адмирал, – еще через пять минут доложил лейтенант, контролирующий процесс, – все чисто, корабль будто вымер...

– Вот это меня и беспокоит, – кивнул Нейтен Джонс, – триста пятьдесят членов экипажа и тишина... Так, вы продолжаете попытки связаться с рубкой «Афины»?

– Непрерывно, сэр, – ответил второй оператор, – только мостик тоже молчит, как и весь линкор...

– Почему этот русский адмирал не выходит на связь? – Джонсу все больше и больше не нравилось происходящее. – Дрейк на борту его единственная ниточка на спасение. По крайней мере «раски» так должен думать. Но на переговоры они все равно не идут!

– Возможно, капитанский мостик разрушен нашими прямыми попаданиями? – предположил лейтенант.

– Нет, такое просто невозможно, – отрицательно покачал головой адмирал, зная, что защита командного отсека линкора была совершенной в сравнении со всеми остальными модулями боевого корабля.

Но на всякий случай еще раз просмотрел запись с оптических сканеров.

– Попадания в район мостика, безусловно, имеются, – медленно проговорил Нейтен, изучая видео, – но они не критические и даже не пробили бронированные жалюзи... Нет, рубка цела и все находящиеся внутри ее точно живы и здоровы. Тем не менее, русский адмирал Васильков на переговоры так и не выходит...

– Ваши дальнейшие указания, сэр? – спросил оператор.

– Отзывай разведчиков, – Джонс решился на операцию по захвату «Афины», – но истребители в ангары не заводить... Более того, все эскадрильи с «Тикондероги» – на выход... Будут прикрывать подход к линкору наших десантных модулей...

– Выполняя..., – оператор пробежал пальцами по клавишам.

– Как у нас там дела с шаттлами? – задал вопрос Джонс.

– Все заполнены штурмовыми командами под завязку, – послышался ответ лейтенанта, – продолжают находиться в открытом пространстве в ожидании вашего приказа.

– Сколько их в данный момент набралось?

– Сорок четыре единицы, – уточнил оператор, – на борту практически весь личный состав морской пехоты 21-ой дивизии – всего более тысячи двухсот человек...

– Против такой абордажной команды не устоит даже космическая крепость, а не то что полуразрушенный линкор, – улыбнулся Джонс-старший, давая добро на начало операции. – Истребителям эскадрильи «Тикондероги» – идти в авангарде и прикрывать движение десантных модулей. Разбиться на пары – каждая прикрепляется к одному шаттлу. Заметив какую-либо активность на корабле противника – сообщить на мостик и подавить в зародыше...

Штурм «Афины» начался. Армада из десантных шаттлов и прикрывающих их истребителей медленно со всех сторон начала окружать одиноко-плавающий в пространстве русский линкор. Группами по десять-пятнадцать машин приближались они к корпусу, ища удобную площадку для стыковки. F-4 кружились вокруг, выискивая врага и готовые собой прикрыть неповоротливые модули, забитые штурмовыми командами.

До какого-то момента все шло отлично, шаттлы практически вплотную приблизились к обшивке и начали разлетаться, разбивая группы, каждый ища свое место. Тут то и ударили по ним сразу с десятков автоматических зенитных пушек «Афины». Дождались все-таки наши зенитчики своего часа, пусть большинство орудий уже навсегда молчало, разбитые и искореженные, но оставшиеся в строю теперь имели возможность отыгаться за всех.

Сотни ярких трасс озарили пространство вокруг линейного корабля, скрещиваясь меж собой и вырисовывая в темноте космоса причудливые узоры из плазменных зарядов. Сам корпус «Афины» зажегся огнями, оказывается, русский линкор был жив и продолжал сражаться.

Практически моментально три десантно-штурмовых модуля, получив критические повреждения, развалились на части, выбрасывая в пространство десятки солдат, находящихся на их борту. Еще пять челноков пострадали серьезным образом, но пока держались, пытаясь изо всех сил уйти с линии огня. Эфир наполнился руганью и криками отчаяния пилотов шаттлов, четыре десятка которых в ужасе рассыпались в космосе и начали удирать из опасного сектора. Им вслед неслись новые трассы зарядов скорострельных пушек линкора.

Истребители «Тикондероги» рванули по направлению к зенитным гнездам, стараясь перевести огонь турелей на себя, и одновременно начали бить по ним из своих орудий. Частично американским пилотам это удалось – автоматика турелей переводила огонь на ближнюю самую «легкую» для поражения цель, поэтому почти все зенитки прекратили бить по

шаттлам и переключились на юркие F-4. Несколько истребителей были таким образом уничтожены, однако главная цель ускользнула – почти всем десантным модулям, за исключением пяти, удалось вырваться из зоны поражения благо для американцев дальностью зенитки не отличались...

– Истребителям – тоже всем назад! – немедленно приказал Нейтен Джонс, ругая себя за беспечность, ведь он предполагал, что такое может произойти и этот хитрый русский контр-адмирал устоит засаду на его людей. – Повторяю, всем машинам – назад!

– Сэр, истребители в состоянии справиться с десятью зенитными расчетами врага, – попытался вмешаться старший помощник Джонса на «Тикондероге». – Сейчас мы все их подавим, соотношение F-4 к зениткам – семь к одной. У «раски» нет никаких шансов...

– Уже три машины уничтожено, – ответил на это Джонс, – я не хочу дальнейших потерь... Уводите палубники из зоны поражения! Сейчас туда придут по-настоящему крутые парни, более серьезно настроенные...

Приказание командующего было исполнено, и оставшиеся F-4, маневрируя и отстреливаясь, отошли на безопасное расстояние, замерев поблизости и готовые снова ринуться в бой. За это время им удалось уничтожить всего лишь одну зенитную установку противника...

– Всем эсминцам дивизии – выйти из общего строя, приблизиться к «Афине» и подавить активные гнезда зенитной артиллерии линкора! – приказал Нейтен Джонс, уверенный что больше не допустит оплошности и не потеряет ни одной машины, даже маленького истребителя. – Подойдите на такое расстояние, чтобы долго с русскими зенитчиками не возиться... Выполняйте!

Шесть эскадренных миноносцев 21-ой «линейной» вынырнули из-под защитных полей дредноутов и начали подкрадываться к «Афине» с разных углов. Зенитные батареи раскрыли себя, и теперь противник знал, куда нужно бить. Орудия эсминцев открыли шквальный огонь по заранее намеченным целям, выжигая последние уцелевшие турели.

Жила успел отдать приказ расчетам операторов-зенитчиков вновь покинуть свои посты, как только нами было замечено приближение легких кораблей противника. Несколько минут хватило американцам, чтобы полностью уничтожить остатки зенитных расчетов линкора и операция Джонса по его захвату продолжилась...

Теперь уже сорок десантных шаттлов, так же в окружении палубников с «Тикондероги», приближались к «Афине» под прикрытием корпусов и энергетических полей шести эскадренных миноносцев. Если какая-либо русская зенитка не уничтожена и снова откроет огонь, она уже никак не сможет навредить челнокам.

– Уничтожьте все что зашевелится или вспыхнет огоньком активации, – грозно приказал вице-адмирал Джонс канонирам эсминцев, понимая что штурм затягивается, а в это время за его действиями наблюдают остальные дивизионные командиры, в том числе такие вредные как Элизабет Уоррен. Наверное, еще и усмеются, мол, простофилю Нейтена «раски» снова обвели вокруг пальца. – И не давайте русским ни единой возможности открыть огонь по десантникам. Все штурмовые подразделения должны достигнуть внешней обшивки линкора без потерь! Всем понятно, джентльмены?!

– Да, сэр, только для этого нам нужно подойти к «Афине» на максимально близкое расстояние, – прозвучал ответ одного из капитанов эсминцев.

– Так, что же вам мешает, сэр?! – недовольно ухмыльнулся Джонс-старший. – Испугались зенитчиков врага?

– Нет, адмирал, просто..., – капитан не успел договорить, как связь с ним оборвалась, по причине прямого попадания в командный отсек данного корабля заряда из ближайшего к нему бортового орудия линкора «Афина»...

Эсминец тряхануло так, что казалось, корабль не выдержит удара плазмы и рассыплется на части. Но он выдержал, лишь вздрогнул и начал медленно отплывать назад от смертоносного

русского орудия, продолжающего выпускать заряд за зарядом по своей жертве. Капитанский мостик эсминца был полностью уничтожен, а все находящиеся на нем – сгорели заживо, однако другие отсеки корабля продолжали функционировать и немногочисленный экипаж делал все возможное для спасения своего судна.

Остальные пять его собратьев поступили так же, как несколькими минутами ранее десантные модули, а именно, дали полный задний ход, рассыпаясь в разные стороны, как стая испуганных ворон и стараясь побыстрее спрятаться за мощные энергощиты дредноутов 21-ой дивизии. Однако повезло не всем. Еще одно орудие русского линкора, только уже с другого борта тоже внезапно открыло огонь на поражение, хорошенько зацепив еще один эсминец.

Вторая волна штурма захлебнулась, не успев толком начаться... «Афина» выдавала неприятные сюрпризы один за другим... Вице-адмирал Джонс долбанул кулаком по подлокотнику и тут же вскрикнул от боли, забыв, что ранен в эту самую руку...

– Эсминцам – назад! Главным калибрам кораблей 21-ой – общий огонь по батареям противника!

Глава 6

Эсминцам Джонса можно сказать повезло, с «Афины» по американцам работало всего две батареи с правого и левого борта, а они в одиночестве за короткий период времени мало что могли сделать, даже с такими слабозащищенными кораблями. Все шесть эскадренных миноносцев успели-таки укрыться за щитами дредноутов своей дивизии, однако стоило констатировать, что двум досталось очень хорошо...

Бой между тем продолжался. Десантные челноки и истребители с «Тикондероги» снова рассыпались в разные стороны и откатились назад, так и не успев приблизиться к русскому линкору. Теперь по последним батареям «Афины» долбили из всех стволов канониры 21-ой «линейной», выжигая плазмой броню башен и хороня внутри них артиллерийские расчеты наших моряков. Те же, несмотря на приказ мой и кавторанга Жилы не покинули своих постов и до конца продолжали вести ответный огонь по врагу.

Шансов на спасение у ребят не было – погибли все до одного, но долг исполнили. Пожалуй, канониры кораблей по храбрости и самопожертвованию стояли не ниже наших летчиков-истребителей, а в выдержке даже превосходили...

Два палубных орудия, наконец, смолкли навсегда, и путь к линкору для «янки» снова был открыт. Джонс-старший, под издевательства адмиралов 4-го флота и снисходительные улыбки комдивов 6-го, отдал приказ на третью попытку штурма «Афины». Когда же это проклятый русский линкор выкинет «белый» код-сигнал?!

Снова те же сорок десантно-штурмовых модуля под конвоем палубных F-4 с авианосца «Тикондерога» пошли на сближение с неприступным кораблем, только теперь уже под прикрытием более серьезных игроков. Вместо эсминцев поддержки, которых хорошенько потрепали всего два наших средних калибра, теперь к «Афине» двинулись сразу три тяжелых крейсера из состава 21-ой «линейной».

Сейчас, даже если случится нечто фантастическое и у «раски» снова оживет одно или несколько орудий, что после тотальной артподготовки со стороны американцев было практически невозможно представить, и, тем не менее, если подобное произойдет, тяжелые крейсера с легкостью сначала примут на себя их огонь, а потом без особых трудностей уничтожат. Нейтена Джонса на мякине уже не проведешь...

«Де-Мойн», «Огаста» и «Фокс» двинулись к «Афине» с трех направлений, закрывая фронтальными полями растянувшиеся цепочками вдоль их бортов челноки и истребители. Вот теперь, казалось, уже никакая сила не могла воспрепятствовать американцам взойти на борт нашего линкора. Хотя, может...

Я злоеще улыбнулся и посмотрел на Жилу, мы с кавторангом и офицерами продолжали, как и прежде, находиться на своих постах в командном отсеке, благодаря дополнительным слоям брони рубка оказалась самым безопасным местом на корабле.

– Аристарх Петрович, помнишь я до хрипоты спорил с твоим командиром по поводу ненужности на борту устаревшего вооружения? – напомнил я Жиле давний разговор с Таисией, которому он был свидетелем, более того непосредственным участником данных дебатов, причем, где поддерживал именно мою точку зрения.

– Еще бы не помнить, за то, что занял вашу сторону, мне тогда досталось по первое число от капитана-командора, – кивнул тот, усмехнувшись. – Я же говорю, вам все легко сходит с рук... Покричали, поспорили, а потом убежали к себе на «Одинокый», а мне здесь продолжать служить. И выслушивать недовольство командира, которое она вам в лицо не скажет, но с легкостью поведает об этом своему старпому...

– Так она что, чихвостит меня за спиной? – хмыкнул я. – Вот же дрянь маленькая!

– Ничего подобного, не наговаривайте! Просто лично вам, либо стесняется сказать некоторые вещи, либо не хочет обидеть в разговоре, – пояснил Аристарх Петрович. – А мне можно, по привычке, как своему...

– Когда это наша Таисия Константиновна стеснялась что-либо сказать в глаза, если этого сильно желала?! – не поверил я.

– Ох, мало вы нашу княжну знаете, похоже, господин контр-адмирал, – с некоторым упреком покачал головой Жила. – Вроде старые-добрые друзья... Но, простите, я что-то отвлекся и не туда полез... Что вы имели в виду, поднимая тему прошлого спора насчет устаревшего вооружения на борту «Афины»?

– Помнишь, о каком виде оружия шла тогда речь?

– Конечно, вы доказывали капитану-командору о нецелесообразности использования дополнительных площадей линкора под складирование ракетного вооружения, – ответил Аристарх Петрович, которому в данный момент хотелось поскорей вернуться к управлению кораблем, а тут контр-адмирал решил вспомнить прошлые беседы. – Вы приводили весомые аргументы об абсолютной бесполезности торпед и гипер-ракет, стоящих на вооружении наших кораблей, в современной войне. Надо признать, ваши доводы, Александр Иванович, меня-то уж точно убедили, и как помните, я тогда оказался полностью на вашей стороне. Мне самому осточертели эти ржавеющие огромного размера болванки, которые использовались, если мне не изменяет память, больше года назад на учениях по слаживанию... Так вот, установки и боезапас ракет занимают много места на корабле. Несмотря на то, что «Афине» грех жаловаться на размеры, но и у данного линкора они не безграничны, и будь моя воля, я в одночасье бы выкинул весь этот «хлам» и освободил пространство под более нужные в нашем деле вещи...

– Слава Богу, – облегченно выдохнул я, – после твоих слов, я делаю вывод, что ракеты продолжают находиться на борту линкора! Правильно?

– Так точно, – подтвердил Жила, – куда же им деться родимым, ведь великая княжна если упрется, то ее с места не сдвинешь. Причем ведь понятно, что капитан-командор ошибалась тогда в споре, но все равно ни в какую... Так и не дала выгрузить все это барахло на склады...

– И по итогу оказалась права, – улыбнулся я на слова кавторанга, – а мы с тобой – нет...

– Это как так?! – не понял Аристарх Петрович, на время даже забыв о приближении вражеских кораблей и десантных модулей. – Вы же с «Одинокого» те самые ракеты благополучно убрали?

– И сейчас, если бы на месте «Афины» стоял мой крейсер, об этом сильно бы пожалел, – загадочно ответил я.

– Не понимаю, – пожал плечами Аристарх Петрович.

– Выведи-ка лучше управление торпедными аппаратами ко мне на экран, – вместо объяснений приказал я кавторангу. – Всех торпедных аппаратов, и очень быстро...

– Это не сложно сделать..., – проговорил Жила, кивая и давая добро своим операторам. – Только зачем все это?

– Еще не догадываешься? – улыбнулся я, проверяя, все ли аппараты заряжены.

По пришедшей на мой монитор информации – все было готово к бою, с каждого борта «Афины» было активировано и смотрело в сторону врага по восемь ракетных установок.

– Гипер-ракеты с эффективностью 2% – это бесполезный хлам в условиях боя, где стандартным расстоянием от начала артиллерийской дуэли являются пресловутые 200 000 километров. При такой дальности любое выпущенное количество подобных ракет с легкостью уничтожается на подлете к кораблям противника, это очевидный факт, доказанный уже не один и не два раза, – начал пояснять я, вторым глазом следя на экране и карте за приближением к «Афине» трех американских тяжелых крейсеров. – Но вот в данной конкретной ситуации, в которой мы с тобой оказались, эти самые гипер-ракеты могут сослужить нам добрую службу...

Тем временем «Огаста», «Де-Мойн» и еще новенький и никем не обстрелянный крейсер «Фокс» практически вплотную подошли к нашему линкору. Расстояние было настолько незначительным, что даже защитные поля кораблей соприкасались друг с другом. Десантно-штурмовые модули 21-ой дивизии беспрепятственно вышли из-под прикрытия крейсеров и начали один за другим пристыковываться к корпусу «Афины»...

– Ракеты хлам, но только не с такого расстояния! – заранее победно ухмыльнулся я и нажал кнопку активации пуска.

Шестнадцать реактивных снарядов вырвались из универсальных торпедных установок, за долю секунды проделав путь до цели, и все без исключения ударили по стоящим напротив крейсерам американцев. Ни одну из этих «старушек» хваленая зенитная артиллерия «янки» так и не успела обезвредить. Повторю, слишком минимальное расстояние было до цели, даже автоматический режим зенитных турелей тупо не успел среагировать на общий залп с «Афины».

Эффект был поразительным, полтора десятка огромных шарообразных вспышек и взрывов озарили пространство и корпуса американских кораблей, по которым ударили ракеты. По шесть зарядов приняли на себя «Фокс» и «Де-Мойн», оставшиеся четыре пришили по носовой части «Огасты»...

«Огасте» повезло больше остальных и по количеству прилетов и по общему характеру повреждений. Ракеты легли кучно, но фронтальная многослойная броня корабля выдержала удар, хотя несколько носовых отсеков все же сильнейшим образом пострадали...

Наверное, не нужно говорить о том, что для гипер-ракет и торпед защитное энергетическое поле преграды не представляло. Оно отлично держало плазму, но было бесполезно в противодействии любому космическому аппарату. Снаряды, минуя тонкую невидимую оболочку, летели прямо в нимидийскую броню корабля, вгрызаясь в его обшивку не менее эффективно, чем та же плазма, только с куда более масштабной зоной поражения.

Если плазменный заряд мог оставить в бронелисте дыру метр-полтора в диаметре, то взрывная волна от ракеты корежила и отрывала те же самые листы на площади не менее чем в сто квадратных метров. Глубоко внутрь такой заряд не проникал, если конечно, был единственным и за ним не следовал второй в ту же «воронку», но тем не менее, поражающий эффект был серьезным и очень даже опасным для жизнестойкости корабля, тем более при массированном залпе...

«Огаста» выдержал и начал быстро оплывать назад, показывая – да ну к черту эту операцию! Двум другим крейсерам повезло куда меньше. До этого серьезно пострадавший от таранного удара «Афины» – «Де-Мойн», теперь получил вторую порцию добавки в виде шести гипер-ракет. Залп также пришелся в носовую часть крейсера, что, кстати, и спасло корабль от разрушения. Развернись на несколько градусов «Де-Мойн» бортом, который уже был разворочен после тарана, а мы – ударь туда ракетами – все, кораблю пришел бы конец.

Но не случилось, хотя носовые отсеки крейсера сейчас были повреждены не меньше, чем бортовые часом ранее. Повезло, что силовые установки работали, благодаря этому «Де-Мойн» и спасся, убежав под защиту дредноутов 21-ой дивизии.

А вот третьему крейсеру совсем не повезло. Прямо перед внезапным ракетным залпом, командир корабля развернул «Фокс» правым бортом к «Афине». Зачем он это сделал не очень понятно, возможно, хотел повысить число своих активных батарей, которое увеличивалось, если корабль становился бортом.

Все артиллерийские башни, кроме главного калибра, устанавливались по обоим бортам вдоль всего корпуса. К примеру, если корабль стоял носом к противнику, возможность вести по тому огонь была лишь у трех, иногда пяти оружейных платформ одновременно. Конфигурация корабля, если он не развернется бортом, не позволяла применять большее количество орудий. С другой стороны, развернувшись, вы соответственно ослабляете защитные характери-

стики, ибо известно, что любое «бортовое» энергетическое поле уступает по мощности «фронтальному» в разы. Здесь выбор всегда оставался за командующим соединением, принимавшим решение, каким образом будут сражаться его вымпелы, или непосредственно командиром корабля, если тот бился с врагом в одиночку.

Так вот, капитан «Фокса» видимо решил задействовать по «Афине», в случае если с той заработает какое-либо орудие, максимальное количество своих батарей. С учетом развернувшейся в сторону русского линкора башни главного калибра, установленной на верхней палубе, всего на «Афину» смотрело пять орудий крейсера вместо трех возможных, если бы «Фокс» как и остальные два стоял к нам носом. Так действительно можно было куда быстрее подавить любое сопротивление русских артиллеристов... Но...

Но оказалось, что американский командер перехитрил самого себя. Ракеты серией объемных взрывов прошли по всему правому борту несчастного крейсера, вырывая громадные куски обшивки и обнажая внутренности корабля. Бортовая броня дредноута, как и защитные поля, была здесь куда слабей, чем в носовой части, оттого урон от удара ракет был более серьезным. Высвободившаяся из боеголовок ракет энергия выжигала все живое не только в отсеках внешнего периметра корпуса, но и прожигала перегородки смежных с ними отсеков, все глубже вгрызаясь в тело «Фокса».

Те самые артиллерийские башни, которые так надеялся применить командир американского крейсера, разлетались на куски, либо их вообще полностью отрывало от корпуса. Внутри самого крейсера начали происходить одна за одной детонации баков интария и запасных аккумуляторных «обойм» к орудиям. Удар шести русских ракет оказался таким смертоносным, что по сути активировал самоуничтожение крейсера.

Повреждения «Фокса» оказались настолько серьезными, что на корабле запустилась цепная реакция, и уже ничего не могло его спасти. Экипажу была дана единственно верная команда – немедленно покинуть борт...

Наш массированный удар старенькими ракетами образца 2198 года в мгновение ока уничтожил один и серьезно повредил еще два тяжелых крейсера противника. Похоже, за двадцать лет применения данного вида боеприпасов – это был лучший пример эффективности гиперракет. Я после увиденного уже начинал задумываться, а не заполнить ли погребца «Одинокого» снова старыми добрыми болванками 22 века, видишь, как они за секунду раздолбали сразу троих! Хотя до возвращения на «Одинокий» нужно было еще как-то дожить...

– Так ведь это еще не конец! – я застучал по клавишам, отдавая команду на зарядание пусковых установок. Однако через секунду в отчаянии воскликнул.

– Что за черт! Почему отказ?! – я посмотрел на Жилу, тот на меня. – Почему нет перезарядки торпедных аппаратов следующей партией гиперракет?!

Аристарх Петрович готов был с одной стороны провалиться сквозь пол, сразу не несколько уровней ниже, чтобы не видеть мой осуждающий взгляд, а с другой желал в данный момент растерзать беззащитных операторов, на которых выместил весь свой гнев.

– Господин контр-адмирал, вся вина лежит на мне как на командире корабля, – через мгновение Жила снова обернулся и посмотрел на меня, – заряжающие механизмы отключены, Бог весть какое время назад и в настоящее время нет возможности их запустить из командного отсека. Необходимо техническое вмешательство и наладка устройств подачи боеприпасов, там на месте...

– Вот это ты отчудил, Аристарх Петрович, – я не хотел злиться на человека и решил не продолжать. Кто мог предположить, что ракеты понадобятся, и тем более понадобятся второй и последующие залпы. Кому-кому, а мне бы помолчать, на «Одиноком» ракет вообще не было, так что сиди...

– Готов понести наказание, – отозвался тот.

– Да, ладно, какое там, – обреченно махнул я рукой, так хотелось добить уходящие вдаль «Де-Мойн» и «Огасту».

– Прикажете послать технические бригады, чтобы те начали наладку систем подачи боеприпасов в торпедные аппараты? – осторожно спросил кавторанг.

– Насколько данный процесс может затянуться по времени? – поинтересовался я.

– Точно не знаю, но не менее двух стандартных часов, – ответил Аристарх Петрович, проконсультировавшись с рядом сидящим оператором.

– Тогда это пустое занятие, – отрицательно покачал я головой, – будем ли мы вообще живы через два часа... Смотри вон, что творится на внешней обшивке сразу трех палуб твоей «Афины»...

Глава 7

– Два подбитых и один уничтоженный тяжелый крейсер, это великолепно, – произнес я, кивая на камеры видеонаблюдения, установленные на внешней обшивке «Афины», тем самым намекая Жиле, чтобы кавторанг тоже взглянул на них. – Кстати, «Фокс» – точно уничтожен? – я перевел взгляд на второй монитор и довольно ухмыльнулся, – точнее некуда...

Детонация внутренних отсеков крейсера постепенно скрывала «Фокс» от глаз в непрерывающейся серии ярких вспышек – от корабля в панике разлетались в разных направлениях многочисленные спасательные шаттлы. Еще минута и американский крейсер полностью развалился на части, перестав существовать...

– Так бы каждый раз, с минимальными потерями – максимальный результат, – задумчиво произнес я. – Ладно, забыли, сейчас не об этом... Аристарх Петрович видишь на экране эти маленькие чуть заметные блестящие в свете прожекторов аппараты, так вот это те самые сорок десантных модулей, которые в отличие от крейсеров вице-адмирала Джонса не уничтожены и себя очень даже хорошо чувствуют...

Жила и без меня прекрасно понимал что происходит. Практически вся обшивка средней и частично нижней палуб русского линкора была усеяна, пристыковавшимися к нему шаттлами, каждый с минимум взводом морпехов «янки» на борту. Вокруг «Афины» по-прежнему кружилась полусотня F-4, но летчикам-истребителям особо делать было нечего – цели, которые они гипотетически могли бы атаковать, на горизонте не обозначались...

Между тем, в бронелисты нашего линкора уже вгрызались красные лучи лазерных «горелок», медленно, но неуклонно прожигаящих прочную нимидийскую сталь, для того, чтобы сорок штурмовых команд 21-ой дивизии смогли проникнуть во внутренние помещения «Афины» и захватить, наконец, этот чертов корабль...

– Судя по оперативности действий штурмующих, у нас с тобой не более пяти минут, – промолвил я, примерно понимая с какой скоростью работают резак. Опыт имелся, мой «Одинокий» не раз пытались захватить абордажные команды, и османских янычар, и пиратов разных мастей – любителей рукопашных в тесных коридорах боевых кораблей. – Поэтому давай используем оставшееся время с пользой... Всем членам экипажа линкора, кто еще прохлаждается в отсеках, прилегающих непосредственно к внешнему периметру – необходимо срочно покинуть их и отойти ближе к центру...

– Уже сделано, – утвердительно кивнул Аристарх Петрович, перепроверя информацию по всему экипажу. – Из моряков у обшивки нет ни одного человека. Там до недавнего времени оставались канониры двух наших погибших батарей и стрелки-операторы зенитных орудий. Последние покинули боевые посты заранее, а канониры, к сожалению, как вы знаете, все до одного легли у своих орудий...

– Так, ты сказал слово «людей»? – сразу уточнил я, стараясь побыстрее пропустить тему гибели артиллерийских расчетов – сейчас надо думать о живых. – Что имелось в виду?

– Только то, что во внешних отсеках в некоторых местах остались лишь роботы, которые продолжают вытаскивать из ангаров аккумуляторные стержни «обойм» и выкидывают их в открытое пространство, – пояснил кавторанг. – Помните, вы сами отдавали такое распоряжение?

– Конечно, помню. Старческой деменции медкомиссией у меня пока не обнаружено, – отозвался я. – Только, почему андройды до сих пор заняты ненужными работами?! К черту батареи и их боезапас – это уже не актуально! Давай-ка, пусть операторы технических служб возвращают роботов назад... Эти железные дровосеки нам могут пригодиться в обороне периметра...

– Вы уверены? – усомнился в правоте моих домыслов, Жила. – Это же не «боевые» роботы, а обычные «инженерные».

– Ты прав, они не предназначены для проведения боевых операций, – согласился я с кавторангом, – слишком медлительные и слабозащищенные, несмотря на то, что скелет у них из прочных композитов. Но, тем не менее, в данных моделях... – я ненадолго запнулся и начал вспоминать, какие это были модели и какого поколения. – Да, припоминаю, Таисия говорила что у нее на «Афине» появились новенькие инженерные роботы...

– Так точно, – подтвердил Аристарх Петрович, – менее года назад сошедшие с конвейеров звездной системы «Ингерманландия». Последняя модель, очень хорошие работники в плане меньших поломок, большей эффективности и кпд... Но, к чему весь этот разговор?

– К тому, что в отличие от старых поколений роботов-техников, которых действительно нельзя было использовать в любом другом качестве, кроме как работников и подсобников, – стал объяснять я, кавторангу, – в новейших моделях заложена функция обороны человека или корабля...

– Я об этом слышал, но если честно, не особо вникал и уж тем более не проверял, – покривился Жила, который многое повидал на своем веку, в том числе сражался с разными видами боевых роботов. – Знаете за всю мою долгую по меркам джентльменов удачу карьеру, я не встречал сколько либо достойной модели штурмового робота-андроида. Пираты очень часто в своем ремесле применяли, переделанных под боевых, боты разных обслуживающих служб. Ничего путного из этого в реальном бою не выходило, слишком они неповоротливые и можно сказать «тупые» в плане оперативного реагирования... Мы такие самоделки щелкали с ребятами как семечки... Так что толку от этих жестянок никакого, господин адмирал, уж поверьте профессионалу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.